

The background of the book cover is a composite image. The top portion shows a dark blue sky with a thin white contrail from an airplane streaking across it. On the right side, the curved horizon of the Earth is visible against the blackness of space. The bottom portion of the cover features a cityscape at dusk or dawn, with several tall skyscrapers and a body of water in the foreground that reflects the buildings and the sky. A semi-transparent blue rectangle is overlaid on the upper left and center of the cover, containing the author's name and the title.

Олег Фурашов

ПОСЛЕДНИЙ МУЖЧИНА

16+

Олег Владимирович Фурашов

Последний мужчина

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=62829932

SelfPub; 2020

Аннотация

Представьте, что вы попали в племя дикарей и вам суждено остаток своих дней провести в этом окружении. При условии, что вас не съедят за какой-либо проступок... Меж тем, совершить опрометчивый поступок немудрено, ибо варварские нравы вам неведомы. Но, если жажда жизни не покинула вас, придётся выживать. С героем произведения Загорцевым произошла история прямо противоположного порядка: в силу обстоятельств он попал в высокоразвитое общество, где не только ощущает себя дикарём, но и, в известной степени, является таковым. Чтобы выжить, он обязан принять новые правила игры. Высокогуманные, но жёсткие. Иначе – вплоть до кастрации негодной части внутреннего мира человека. Выясняется, что иметь несколько жизней (как у кошки, на уровне биологического существа) – дело вполне реальное. Однако у личности жизнь может быть только одна. И Загорцев принимает решение: идти своей стезёй, какой бы трудной она ни была. Ну, а почему последний мужчина? Для получения ответа следует прочитать эту книгу...

*Все события в романе выдуманы,
все совпадения – случайны.*

Автор

Глава первая

1

Кто-то похлопал Романа Загорцева по щекам. Просыпаться было больно и тяжело: подобно боксёру после нокаута, возвращающегося из небытия на этот свет. Роман застонал и долго и трудно размыкал веки.

Наконец, он открыл глаза, и постепенно сквозь мутную пелену перед ним проступили очертания существа в голубом халате и в голубой шапочке, склонившегося над ним. Незнакомец имел мелкие, невыразительные и до того аморфные черты лица, что по ним невозможно было определить, мужчина он или женщина. Кожа у него имела слегка багрово-сизюшный оттенок. «Ну и рожа, – почти равнодушно подумал Роман. – Бр-р-р...Гермафродит-удавленник какой-то. Или я ещё во сне?».

Существо, увидев, что Роман пришёл в себя, широко и приветливо улыбнулось и произнесло мягким и высоким голосом:

– Здравствуйте!

– Здравствуйте, – не слишком внятно и без особых эмоций произнёс Роман непослушными и ватными губами, по голосу визави определив, что перед ним всё же женщина.

– Назовите себя, пожалуйста, – очень вежливо и мягко попросила его собеседница.

– Роман..., – натужно говорил и соображал проснувшийся. И ему даже почудилось, что мозги в его черепной коробке работают со скрипом. Аналогично вращающимся шестерёнкам несмазанного механизма. – Меня зовут Роман...Ро-

ман Александрович... Загорцев.

– Поясните, если вас не затруднит, сколько вам лет? Когда вы родились? Кто вы по роду занятий? – тактично уточняла женщина, беседуя с ним, словно с несмышлёным ребёнком.

– Мне... Мне полных тридцать два года, – медленно отходя от продолжительного сна, уже громче прохрипел Роман, набираясь сил. – Я родился в две тысячи девяносто пятом году. Я – профессиональный футболист, разыгрывающий хавбек столичного армейского клуба, город Семихолмск. Капитан сборной Империи по футболу.

– Правильно, – удовлетворённо подтвердила незнакомка. И продолжила диалог: – Теперь постарайтесь вспомнить события последнего дня, когда вы уснули, и рассказать мне о них.

«Почему она меня расспрашивает? – чуточку сердясь, подумал Загорцев. – И почему я ей столь послушно о себе докладываю?...»

И на этой стадии размышлений пронзительный импульс в мозгу, родственный негативному информационному взрыву, воскресил в Романи былое. «Да ведь я же Загорцев Роман! – полыхнула внутри него реминисценция, смешанная с горечью, печалью и надеждой. – Я – всемирно известный спортсмен. Лучший футболист мира 2121, 2122 и 2126 годов. У меня есть семья. Я женат на самой красивой и, самое главное, на самой нежной женщине на свете – на моей милой Юлии. И у нас с ней двое очаровательных детишек:

дочурка Леночка и сынишка Егорка... Что же ещё?... Что же ещё, что меня так гнетёт и гложет?... Ах да!... То страшное и ужасное! Что мне так не хотелось вспоминать: в тридцать два года я заболел скоротекущей неизлечимой патологией – ретро-вирус Энгама. И меня подвергли анабиозу с тем, чтобы оживить тогда, когда болезнь станет излечимой. И раз меня сегодня оживили, значит... Значит?... Значит!... А где же Юлечка? Где Леночка и Егорка?»

Загорцев попробовал поднять своё занемевшее непослушное тело, но лишь беспомощно и слабо затрепыхался в удобной капсуле, служившей ему ложем.

– Теперь вы вспомнили то существенное, к чему я вас подводила, – подтвердила женщина в голубом халате, глядя то на Романа, то на экран сфероидного компьютера, установленного неподалёку от капсулы. – Поздравляю вас с успешным воскрешением из анабиоза. Относительно вашей жены и детей я вас уведомяю позднее.

«Как... Как она проникла в мои мысли?!... Как она узнала про Юлю и про ребятишек? – поразился про себя Загорцев. – Я же ей ничего не...»

– Не удивляйтесь моей осведомлённости, – заботливо успокоила его женщина. – Просто ваш мозг подключен к электронному компьютеру-дешифратору, и аппарат трансформирует и транслирует преобразованные мозговые импульсы на монитор в вербальной форме. Вообще-то, вторжение в интимную сферу мыслящего существа строжайше

запрещено. Исключение составляют только наши пациенты. Поскольку вы приходите в норму, сейчас я сниму с вашей головы тиару, и никто помимо вашей воли в ваши мысли более не проникнет.

С этими словами она освободила голову Романа от светло-серебристого колпака. Выполнив несложную манипуляцию, собеседница прямо на кресле, в котором она сидела, по воздуху отплыла к кубическому ящику – по-видимому, то был процессор компьютера. Пока женщина отключала прибор, Загорцев уже без всяких опасений быть подслушанным и вполне свободно разглядывал доктора и про себя делился впечатлениями о ней со своим внутренним «я».

«Плоская, как камбала, – с типично мужской беззастенчивостью разглагольствовал его внутренний голос. – Ни грудей, ни...кгм...Да и личико подгуляло. А уж про цвет кожи я и не говорю, бр-р-р... Хотя выражение доброты на нём располагает и подкупает. Проще говоря, Рома, первое впечатление – действительно самое верное: натуральный гермафродит. И приглядишься: лопатки у неё выступают, образуя на спине едва ли не горб. Сутулая. Не иначе, физкультура и спорт для неё – пустой звук. С такой в футбол не поиграешь. Да и в чувственный массаж – тоже».

Загорцев не успел пожурить своё второе «я» за известный цинизм, поскольку женщина вновь подплыла в кресле к нему и стала вводить его в курс происходящего:

– Меня зовут Нутэла. Я ваш лечащий врач. Вам, сударь

Загорцев, не стоит комплексовать по поводу того, что пока вы слабы физически – ведь с момента вашего усыпления ми- нул значительный срок. И мы будем выводить вас на привыч- ные функциональные кондиции очень плавно. Равным обра- зом не волнуйтесь и по поводу вашей душевной апатично- сти, которая резко контрастирует с той энергетикой, что от- личала вас прежде – сказывается применение высокоэффек- тивных психотропных лекарств. На данной стадии они необ- ходимы, чтобы ваш психический уклад лучше адаптировал- ся к новым условиям и к некоторой неизбежности, с которой вам придётся примириться. Я понятно выражаюсь?

– Да, – кивнул пациент.

– До вашего пробуждения мы несколько раз вводили вам препараты внутривенно, – продолжала Нутэла. – С данной минуты вам нужно будет принимать их перорально. Я ясно довожу до вас свою мысль?

– Да, – подобно роботу, автоматически отвечал больной.

– И у меня к вам большая просьба: временно воздержат- ся от вопросов, которые будут возникать, – любезно улыбну- лась ему доктор. – Я сама удовлетворю вашу любознатель- ность по мере вашего выздоровления. Хорошо?

– Да, – послушно вторил ей Роман.

– Имейте также в виду, что мы поработали над речевым центром вашего головного мозга, дабы современная речь воспринималась вами в качестве родной.

– Да, – как заведённый задалил Загорцев, хотя в послед-

ний раз врач не задала ему вопроса.

– Дисциплина – важнейший атрибут высокоорганизованного общества! – назидательно воздела указательный палец Нутэла. – И в завершение, небольшое предупреждение: когда вы посмотритесь в зеркало, не приходите в замешательство от цвета вашей кожи. Содержание углерода в атмосфере несколько выше, нежели в воздухе, которым вы дышали прежде. Потому мы соответствующим образом подготовили ваш организм. Принимается?

– Да, – согласно проговорил Загорцев.

С помощью автоматике Нутэла привела капсулу в наклонное положение, удобное для приёма лекарства, и протянула ему округлый бокальчик, наполненный кашицеобразной жидкостью. Роман покорно и заученно сказал «да», хотя эскулап его уже ни о чём не спрашивала, и выпил микстуру. Препарат был прохладным, чуть кислым, приятным на вкус и на редкость сытным.

2

Первые дни Загорцев преимущественно спал, исправно принимал микстуры и так называемую УПС-42 – универсальную питательную смесь, представлявшую собой всё то же кашицеобразное месиво, весьма приятное на вкус. Нутэла утверждала, что высококалорийный, комплексный и питательный коктейль индивидуально подобран именно под вы-

здоровливающий организм пациента.

На второй день к Нутэле присоединился ещё один доктор. То, как догадался Роман, был мужчина. Вывод Загорцева логично вытекал из сравнения нового врача с Нутэлой: он был повыше ростом, чуть шире в плечах, обладал более низким голосом и, наоборот, был лишён даже того жалкого подобия грудей, что слабо обозначались под халатом его коллеги. Зато обоих медиков одинаково роднили округлые багрово-синюшные лица с мелкими чертами и выражением доброты на них, а также резко выступающие под халатами лопатки. Незнакомец назвался Рэдом и сказал, что он – персональный психолог Загорцева.

Если Рэд и выглядел крупным, то лишь на фоне Нутэлы. В сравнении же с Загорцевым он едва тянул то ли на угловатого подростка, то ли на субтильную неразвившуюся девушку времён юности футболиста. Короче, тоже представлял собой нечто «среднеарифметическое».

Рэд провёл с Романом небольшую ознакомительную беседу, в ходе которой не столько рассказывал что-то неподпечному, сколько внимал ему и оценивал его состояние. В завершение Загорцев прогулялся под присмотром врачей по просторной палате с кухней, санузелом и ванной, где он размещался один, а также немного поработал на специальных тренажёрах.

На четвёртый день Нутэла и Рэд сочли, что Роман окреп

настолько, что готов к променаду по городу и к поселению для самостоятельного проживания. Предварительно Загорцев принял освежающий душ в специальной лечебно-массажной барокамере. Вытираясь в ванной комнате перед зеркалом, он издал негромкий возглас, выразивший отвращение: кожные покровы его лица и тела тоже приобрели лёгкий багрово-синюшный оттенок. «Бр-р-р-р-р...Ну и рожа!» – потрясённо поделился с ним впечатлением внутренний голос. «Рожа как рожа, – уравновешенно возразил рефлексивному гласу хозяин, меняя исключительно комфортную больничную пижаму на не менее удобный летний прогулочный костюм светло-зелёного цвета, состоявший из лёгких брюк и рубашки с короткими рукавами. – Рожа слегка посиневшего мыслелоба. Мыслелоб ко всему привыкает. Привыкнем и мы с тобой...»

3

На прогулку оба доктора сопровождали Романа в такой же зелёной униформе, что была надета и на нём самом. На них теперь отсутствовали врачебные шапочки, от чего обнаружилось, что Рэд абсолютно лысый, а у Нутэлы – коротенькая жиденькая стрижка. Троица вышла из палаты и по траволатору справа поплыла по широкому и светлому коридору. Слева навстречу им попадались сотрудники больницы в голубых халатах – все как на подбор «птички-невелички». Они с интересом посматривали на Загорцева, приветливо улыба-

лись, но не здоровались ни с ним, ни с его «почётным эскортом».

– Не пеняйте, Роман, на невоспитанность нас и наших коллег, – рассеял недоумение пациента Рэд. – В отличие от вас, наш мозг снабжён биологическими микропроцессорами, позволяющими нам общаться на субчувственном уровне посредством использования свойств, так называемых энергонных полей. При желании, со временем, вы сможете приобрести право на имплантацию такого устройства. Попозже вам расскажут, что это за изобретение.

– Да-да, – уже привычно поддакнул Загорцев, а про себя почти спокойно подумал: – Субчувственный уровень... Энергонные поля... Интересно, в какой я эпохе? И куда меня занесло?

Выйдя из здания на залитый солнечным светом простор, Роман прищурился и машинально провёл рукой по светло-серой стене больницы. Странно, но его влекло притронуться к ней повторно, как к живому существу. Поверхность стены была чуть тёплой, бархатисто-мягкой на ощупь, вызывая ощущения прикосновения к живому существу.

– Сверхпрочная цельная панель, – растолковал ему Рэд, уловив интерес пациента. – Выращена из биологического сырья с элементами интеллекта «адапти-7». Материал имеет микроскопические поры, позволяющие дому «дышать». В зависимости от наружной температуры, влажности и ветра поры меняют свои параметры. Таким образом температура,

атмосферное давление и иные параметры в помещении саморегулируются по заданной программе.

– Кстати, Роман, – вступила в разговор Нутэла, – наша унифицированная одежда также изготовлена из биоматериала с элементами интеллекта «адапти-11». Ощущаете, как в ней комфортно?

– Да, – привычно согласился тот. – Мне в костюме до того удобно, что я про него забываю.

– И заметьте, Роман, – подчеркнула доктор, – ткань сама изменила интенсивность окраски на более светлый тон под воздействием солнечных лучей. Она также способна к регенерации при незначительных повреждениях и к самоочистке при загрязнении, подобно живому организму. Потому не требует стирки и не мнётся.

Их беседа была прервана появлением шикарного шестиместного лимузина, бесшумно подъехавшего... точнее пришвартовавшегося к крыльцу больницы, ибо машина не имела колёс.

– На воздушной подушке? – блеснул эрудицией Загорцев, в прежней жизни наблюдавший такие экземпляры только в футурологической виртуальной реальности.

– Да, на подушке, – наконец-то впервые вынужденно поддакнул ему уже Рэд. – Только на антигравитационной. Двигатель работает на воде. Экологически абсолютно безопасен. Прошу садиться.

Следуя жесту-приглашению, Роман расположился вместе

с Рэдом в средней части салона авто, а Нутэла – рядом с водителем.

Пока пассажир с любопытством осваивался внутри, машина мягко тронулась, и тогда Загорцев переключил внимание на водителя. Посмотреть было на что: шофёр был маленького роста, уступая в размерах даже Рэду и Нутэле; лысый и темнокожий, а при разговоре с женщиной голос его «фонил» неким механическим обертоном.

– Автомат, – пояснил Роману Рэд, перехватив его взгляд. – Как сказали бы в вашу эру – антропоморфный робот, поскольку внешне он похож на нас с вами. Для удобства они все окрашены в тёмные тона, в отличие от нас. Верные служители нашего социума. Высшая степень надёжности.

– Да, робот, – повторил пассажир и перевёл взор за окно.

Автомобиль мчался по широкому проспекту мегаполиса. По обе стороны мелькали громады одинаковых светло-серых зданий, выстроенных из уже знакомого материала «адапти-7». Вдоль всей эспланады тянулась пышная растительность: буйная зелёная трава, цветы с большими яркими бутонами и деревья, образующие нечто среднее между пирамидальными тополями и тропическим пальмами. Судя по ним и по влажности воздуха, Загорцев предположил, что город находится в субтропиках.

Необычным показалось то, что для мегаполиса на улицах было маловато автомобильной техники, да и прохожими они не изобиловали. Причём люди – в массе своей низкорослые и

тщедушные – преимущественно передвигались пешком, либо на велосипедах, самокатах или на самодвижущихся площадках, перемещавшихся по специально отведённым полосам.

– А народу немного, – поделился наблюдатель-новичок свежими впечатлениями с доктором. – И машин...

– Нормальная нормативная нагрузка, – пожал плечами Рэд. – Для планеты миллиард населения – оптимальный вариант. Позволяет соблюсти экологические требования, сберечь фауну и флору. В нашем городе около двух миллионов жителей. Что касается автомобилей, то мы ими пользуемся по мере необходимости. Стараемся больше ходить или пользоваться экологическими транспортными средствами. Ведём здоровый образ жизни. Ну, а для тех, кто устал, но никуда не спешит, предназначены трэки – платформы на дорожках с антигравитационной подушкой. У трэков крейсерская скорость равна темпу передвижения бегуна.

С языка Загорцева едва не сорвалось неуместное любопытство про сутулость и выступающие лопатки горожан, но он вовремя спохватился. Да к тому же ещё одна более чем странная деталь отвлекла его от обмена мнениями. День, как уже было отмечено, выдался ясный. Светило стояло почти в зените. И, тем не менее, низко-низко над линией далёкого горизонта Роман визуально зафиксировал второе солнце, медленно ползущее с запада на восток. Даже зрению мыслелоба оказывалось посильным ухватить его смещение. «Гал-

люцинация? Мираж?» – подумал он. Вслух же пациент с видом знатока выдвинул наиболее здравую гипотезу:

– Оптический обман. Видимость второго солнца.

– Отнюдь, – возразил ему доктор, догадавшись, о чём идёт речь. – Это настоящее второе солнце над южным полюсом. Есть и третье солнце – над северным полюсом. Их мы зажгли век назад. В мощности они на три порядка уступают главному естественному светилу, но расположены к планете гораздо ближе. Благодаря им на полюсах растаяли снежные «шапки», температура океана стала более постоянной, климат стал более щадящим, а бури и ураганы сменились размеренно текущими потоками воздушных масс. Больше стало ясных дней. При всём при том, эти две рукотворные звезды мы расположили таким образом, чтобы сохранить обычный суточный режим: утро-день-вечер-ночь. Мало того, ночью вы можете увидеть две луны. Одна из них – искусственный спутник нашей планеты. Тем самым не только повышается освещённость поздним вечером и ночью, но и достигается равномерная подсветка в течение всего тёмного времени суток, экономится электрическая энергия.

«Зажгли солнца... Век назад... Какие же нынче времена?...», – подавленно замолчав, вторично принялся «пережёвывать» внутри себя услышанное Загорцев. – А Юленька? А Леночка с Егоркой? Что с ними?»

– Сегодня у нас, Роман, в рамках программы вашей социализации, непродолжительная обзорная поездка по городу, –

обернулась к спутникам Нутэла, – и, как мы и договаривались, обустройство в вашем жилище. Наш город называется Котон.

– Да, – с уже устоявшейся сдержанностью ответил пациент. – Котон.

– Как раз сейчас мы сворачиваем на улицу Тенистую, – вытянула руку вперёд Нутэла. – Вот и ваш дом под номером двадцать два. Проследуем к вашей квартире.

Они покинули остановившийся лимузин, вошли в подъезд семиэтажного дома и на скоростном лифте поднялись на пятый этаж.

– Вот и ваша квартира семьдесят один, – заботливо, словно дитя, подвела сопровождающая Загорцева к входу.

– Обратите внимание, Роман, – приступил к инструктажу и Рэд, – что возле дверей на специальном сканере размещено ваше изображение. Это на всякий случай: если вы что-то забудете.

Сбоку от входа Загорцев действительно увидел свой портрет. Ему стало приятно, что о нём – по большому счёту чужом и незнакомом – проявляют столь трогательную заботу.

– Запрограммированное приёмное устройство в двери, – продолжал меж тем врач, – сканирует уникальные функциональные характеристики вашего головного мозга. Если совпадение налицо, то электронный контролёр даёт разрешение на вход. Встаньте, пожалуйста, перед ним.

Загорцев послушно подчинился вежливому распоряже-

нию и занял указанное ему место. Через секунду в сканере раздался тихий щелчок, и створки дверей квартиры перед ним бесшумно распахнулись. Троица двинулась вперёд.

– Разумеется, замки – это пережиток и социальный атавизм, – извиняющимся тоном произнесла Нутэла, следуя рядом с новоявленным хозяином. – Без вашего присутствия никто не посмел бы войти в ваше жилище. Однако в этой части Высший Совет цивилизации явно запаздывает с отменной устаревшего порядка.

Загорцеву понравилась трёхкомнатная комфортабельная квартира. Инструкторы подробно ознакомили его с работой бытовых приборов и с правилами общественной и личной безопасности. Они также провели практикум для подопечного в части управления индивидуальным бытовым креслом в режиме левитации. Обучая эксплуатации транспортёра для доставки питания, Нутэла сделала акцент на том, что в течение двух дней Роман по-прежнему будет обеспечиваться коктейлем УПС-42, а затем произойдёт переход на смесь УПС-43.

– Помните о том, Роман, – особо наставляла его она, – что универсальная питательная смесь номер сорок два подобрана специально под вас – с учётом особенностей вашего организма, психического состояния и динамики процесса восстановления. Зато УПС-43 будет содержать минимальную дозу психотропных веществ, снижающих вашу реактивность. Если, вдруг, вас охватит депрессия, угнетённость от

одинокости и резкой перемены социальной среды, немедленно связывайтесь с нами. Если же вы процесс адаптации минуете нормально, то в дальнейшем мы вообще переведём вас на коктейль УПС-12 – тот типичный продукт, что потребует конституция вашего уже выздоровевшего организма.

– Да, УПС, – послушно подтвердил пациент усвоение информации. – А если УПС мне не понравится?

Это был первый вопрос, прямо поставленный им вопреки договорённости и внушённой ему установки.

– Не понравится?... – впервые растерялась женщина.

– УПС не может, не понравится, – выручил её Рэд. – Пища потому и называется универсальной, что подобрана под генотип и психотип индивидов с существенно сходными признаками, а также включает в себя все необходимые витамины, вещества и микроэлементы. И ещё... Мы убедительно просим вас, Роман, – помедлив, добавил он, – не проявлять преждевременной любознательности и активности. Созреет ваша готовность, и те из нас, кому это положено сделать, сполна удовлетворят вашу неосведомлённость. Дисциплина превыше всего!

4

Завершая штатное мероприятие, Рэд с балкона указал подопечному на пристрой, примыкающий к «высотке» напротив.

– Видите двухэтажное строение с вывеской? – спросил он.

– Да, – ответил Загорцев.

– Это центр реабилитации. Там вы поставлены на учёт до вашего полного привыкания к новому укладу бытия. Ваш персональный наставник – куратор Бол. Запомните, Роман, пожалуйста: куратор Бол.

– Да. Куратор Бол, – эхом отозвался пациент.

– Утром вам следует посетить его. Он вам поможет в вашей вторичной социализации. Бол предупреждён и будет ждать.

– Будет ждать..., – эхом отозвался Загорцев.

– За сим разрешите нам с Нутэлой откланяться, – и инструктор несколько театрально обозначил прощальный поклон.

– Погодите! – непредсказуемо проявил строптивость Роман, несмотря на запрограммированное действие УПС-42. – Прежде скажите, Рэд, что с моей женой Юлией и детьми Леночкой и Егоркой?

– Кгм-кгм... О том вам расскажет куратор Бол, – чуточку удивился сбою в алгоритме его поведения Рэд.

– Нет. Расскажите вы, – заупрямился подопечный. – Или я не выпущу вас.

– ...Хорошо..., – оторопело поскрёб ногтями по подбородку озадаченный врач, очевидно, подумывая об усилении лечебной дозы. – Видите ли, в чём дело, Роман... Ключ к излечению от ретро-вируса Энгама мы подобрали недавно. По-

разил же он вас...м-м-м... давно. Очень давно. Эти два события разделяют, если условно прибегнуть к сопоставимым временным характеристикам, целое тысячелетие. Исходя из того, что в вашу эпоху средняя продолжительность жизни...кгм...мыслелобов составляла девяносто лет, нетрудно вывести логическое умозаключение, касающееся вашего вопроса. Простите меня за столь бездушное разъяснение.

– Да...Тысячелетие...Эпоха..., – маловразумительно и шокированно пробормотал пациент, освобождая проход к двери.

– Нам доступно ваше состояние Роман, – деликатно кашлянув, вступила в переговоры Нутэла. – Мы скорбим вместе с вами и соболезуем вам. Тем не менее, мы вас убедительно просим не совершать в будущем актов непослушания. В ваших же интересах. Не стоит забывать, что дисциплина – прежде всего.

И она назидательно воздела указательный палец к небу.

5

Опасения Нутэлы оказались небеспочвенны: оставшись в пустой квартире наедине со своими воспоминаниями, Роман поневоле затосковал. Да и могло ли быть иначе, когда физически ты молод и полон жизни, но как личность – умер. Когда вокруг тебя практически всё чужое и незнакомое. Когда тебя непереносимо гложет былое, а ты должен начинать ав-

тобиографию с нуля. Когда к тебе относятся в высшей степени гуманно и предупредительно, но по большому счёту ты никому не нужен, никем не востребован и всем чужд.

Именно отчуждённость окружающего мира воскресили в памяти Загорцева классическую дефиницию о том, что мыслелоб – не абстракт, присущий отдельному индивиду, что в своей сущности он есть совокупность общественных отношений. Лиши мыслелоба родных социальных связей, и он – мертвец. И потому ныне Роман за минуту общения с женой и детьми без колебаний отдал бы собственную жизнь.

«Смерть милее никчёмности прозябания», – мелькнула у него в мозгу малодушная мелкотравчатая мыслишка, когда он, стоя на балконе, смотрел вниз. «Нытик и малOVER! – устыдившись, приструнил себя мужчина. – Заткни фонтан безволия! Ты обязан не просто отмучить отмерянный тебе срок, а преодолеть его с доблестью мыслелоба и истинно по-мужски. И тем самым оправдать доверие тех, кто любил тебя – Юленьки, Леночки, Егорки».

Он вспомнил своего дедушку Дмитрия – знатного химика, которого нелепый несчастный случай лишил зрения. Так дед не пал духом и вскоре добился того, что стал более популярным дегустатором, нежели был учёным. И тот, при выпавших внуку испытаниях, не жалел по-бабьи мальчишку, а подбадривал его: «Не хнычь, Ромаха! Превозмогём! Ведь мы же настоящие имперские мыслелобы! Ведь ты же настоящий имперский мыслелоб!»

Глава вторая

1

Утром Романа разбудил мелодичной песней электронный будильник и постельный массажёр, принявшийся мягко разминать его тело.

Отключая часы, мыслелоб подметил интригующую деталь, которую в расстроенных чувствах упустил накануне: разметка циферблата хронометра состояла из тридцати цифр. То есть, сутки включали в себя три десятка часов! «Реформа времени? Его исчисление подогнали под десятичную систему счёта? – гадал мужчина, заброшенный в будущее. – Или замедлилось вращение нашей Зелёной планеты вокруг собственной оси?... Но не на шесть же часов за какое-то тысячелетие?! Может, космический катаклизм? Столкновение с кометой Галлея? Ладно, вопросы отложим для куратора Бола. И этому Болу не позавидует сам вратарь сборной Вранглии дружище Бордон Хэнкс (надеюсь, гостящий ныне в раю), которому я наколотил в финале Кубка мира хет-трик!»

С бодрым настроением – ведь утро вечера мудренее, Загорцев принял в барокамере стимулирующую ванну, побрился ультразвуковой электробритвой, подзаправился свежим коктейлем и отправился «на каннибалистское рандеву» с ничего не подозревающим горемыкой Болом.

Покидая кабину лифта на первом этаже, Роман услышал страшный грохот, долетевший с улицы. Он выскочил из дома на тротуар и по диагонали от себя, на противоположной стороне улицы увидел столб пыли и дыма. Немного погодя завеса рассеялась, и стало видно, что в пристрой дома по улице Тенистой въехал громадный транспортёр. В тот самый пристрой, где располагался центр реабилитации. «Вот тебе, бабушка, и Курьев день! Вот тебе и Бол!» – ошарашенно думал Загорцев, перебегая проезжую часть.

Он первым подоспел к месту катастрофы и услышал стоны, раздававшиеся из-под развалин. Роман ринулся туда, вглядываясь сквозь пелену оседавшей взвеси. После нескольких секунд поисков он наткнулся на какого-то маленького толстяка, левая нога которого была придавлена оборвавшейся плитой. Загорцев, орудуя концом подвернувшейся трубы, приподнял угол конструкции и освободил зажатую конечность пострадавшего. Затем он осторожно подхватил пострадавшего на руки и выбрался через завалы на открытое пространство, где уже толпились котонцы.

Едва смельчак с ношей выбрался наружу, как крыша пристроя, до того угрожающе и противно скрипевшая, рухнула, подняв новое облако пыли. Зеваки так и ахнули, а потерпевший, морщась от боли, благодарно проронил:

– Спасибо! Если бы не вы...

– Право, какие пустяки, – отмахнулся Роман, укладывая травмированного на лавочку.

– Вы...Вы – мыслелоб? – через силу осведомился толстячок, окидывая взором своего спасителя, резко выделявшегося на фоне тщедушных котонцев крупной фигурой и «лица необщим выраженьем».

– Как будто, – критически хмыкнул тот, и неожиданно ссутулился, пытаясь быть похожим на рядового котонца.

– Вы – Загорцев? – уточнил собеседник.

– Так точно! – отрапортовал Роман, как бывало в армейском клубе. – А вы – куратор Бол?

– Угу, – простонал куратор. – К сожалению, наш инструктаж откладывается...

– Не беда, – успокоил его подопечный. – Поправитесь, и мы с вами встретимся. Там, под обломками, больше никого нет?

– Нет, я был один, – ответил Бол.

Их диалог прервал вой сирен – то к месту происшествия примчались автомобили подразделений экстренных мер. Служащие медицинской помощи переложили травмированного Бола на носилки, поместили его в «скорую» и увезли. Другие спасатели извлекли из аварийного транспортного средства робота, у которого оборвало обе нижних конечности. Киборг принялся докладывать спасателям про техническую флуктацию. Его засунули в машину техпомощи. «На демонтаж», – резюмировал кто-то из прохожих.

Эвакуировав потерпевшего и робота, спасатели приня-

лись вытягивать машину и разбирать завал. По периметру они выставили предупреждающие флажки, а сотрудник в оранжевом жилете принялся выкрикивать по рупору для посторонних: «Техническая флуктуация! Прошу не толпиться и разойтись. Работы представляют опасность. Проходите противоположной стороной улицы. Техническая флуктуация...»

Для Загорцева было свежо упоминание Рэда о надёжности котонской техники. Поэтому он со смешанными чувствами подумал: «И вы не боги, мыслелобы нынешние. И вы не сверхсущества. И у вас случаются сбои».

Размышления имперянина прервали репортёры с камерами и диктофонами. Они океанским приливом накинудись на него, на служащих спецслужб и случайных прохожих, производя съёмку и выпытывая подробности происшествия. Но уже через пять минут, по мере того как пресса разжилась сенсацией, их «смыло отливом»: папарацци и журналисты помчались по редакциям, дабы обнародовать материалы с пометками «срочно в номер» и «срочно в эфир».

2

Так Загорцев в силу непредвиденных обстоятельств на время оказался предоставленным самому себе. Недолго думая, Роман отправился в прогулку по Котону. Он последовательно прошёлся по улицам, покатался на трэках, отобедал в ресторане. Променад Загорцев завершил в открытом аква-

парке, в котором с детским восторгом дюжину раз скатился со стометровой трёхкаскадной горки, про себя присвоив ей название "Прощай, мама!" Словом, футболист добросовестно старался постичь новый уклад бытия.

Из почерпнутого опыта он вывел несколько умозаключений. И первый заключался в том, что котонцы хотя и живут зажиточно (услуги и питание предоставлялись бесплатно), но рационально – даже в ресторане к столу роботы подавали исключительно пресловутые УПСы. Вторая истина состояла в том, что котонцы, мягко говоря, были не болтливы. Вероятно, у подавляющего большинства из них превалировало общение на субчувственном уровне, про который говорила Нутэла. Исключение из последнего правила касалось многочисленных детсадовских и школьных групп ребятишек в аквапарке – те визжали и баловались как обычные дети из прежних времён.

На прогулке Роман в очередной раз в полной мере смог оценить ту великую роскошь, что именуется общением мыслелобов, ставшей для него недоступной. А также с грустью помянул Юлечку, которая постоянно пеняла ему на то, что неприятельной, но задушевной беседе он предпочитал лёгонькое "чтиво" или «Имперский спорт».

судьбе»: где бы ни был Роман, огромные электронные табло, передавая известия об утренней флуктуации, высвечивали его мужественное лицо. Так Загорцев в одночасье превратился в достопримечательность из другой эпохи. Пусть то и была «знаменитость на час». Всё равно это доставляло удовлетворение «настоящему имперскому человеку», в предыдущей жизни привыкшему к планетарной славе.

Потому по дороге домой он осмелился заговорить с незнакомкой, поджидавшей прибытия трэка. Та, уставившись на экран уличного голографа, внимательно вслушивалась в краткое интервью Романа котонским репортёрам. Увлёкшись зрелищем, она и не заметила, что уронила какой-то свёрток.

Если уж быть откровенным, то местные фемины отнюдь не прельщали прославленного футболиста: все как на подбор маленькие, худенькие, с жидкими волосёнками на головах и с выражением доброты на не слишком привлекательных физиономиях – племя полудегенератов, да и только.

Причём женщины, как успел подметить заинтересованный наблюдатель, меж собой делились на две категории. Часть из них была внешне симпатичнее, с крохотными грудками (величиной с кулачонко мальчонки) и едва выдающимися ягодицами. Зато выступающие лопатки придавали им сутулость. У другой категории ещё более скудные (в трактовке Загорцева) бугристые поверхности если и присутствовали, то их обладательницам оставалось позавидовать пыш-

её локтя и тем самым давая понять, что вдвоём они интереснее скоротают срок до прибытия транспорта.

– Обыкновенная, – буркнула худосочная, отступая на метр.

– Вы не подскажете, который час?...Извините, не имею чести знать вашего имени, – сделав наступательный шаг, с имперской ненавязчивостью опять притронулся к предплечью незнакомки мужчина.

Для двадцать второго века поведение Романа не представлялось не то что вызывающим, а даже не тянуло и на фамильярность. И потому он не придал значения тому нюансу, что присутствовавшие неподалёку две другие незнакомки тревожно засуетились, а «его» худышка нажала на красную кнопку, расположенную на стойке платформы.

И тотчас, подобно чёрту из табакерки, откуда ни возьмись, появился...робот в тёмно-синей униформе. Он сообщил свой порядковый номер (тринадцать дубль два), с извинениями культурно втиснулся между женщиной и женщиной, а затем выслушал претензии последней. Худышка, представившаяся Суэлой, к вящему недоумению Загорцева заявила, что невежа вторгся в её интимное пространство. Да к тому же она изложила пустяковые обстоятельства с таким негодованием, точно Роман её изнасиловал восьмой раз кряду. Две другие незнакомки подтвердили обвинение худышки и назвали роботу свои имена и адреса. Загорцев просто-напросто остолбенел от злого навета.

Тем временем к роботу присоединились два его собрата в тёмно-синей форме и стали опрашивать незадачливого кавалера об обстоятельствах скандала.

– Да не было никакого скандала! – лицо нарушителя общественного этикета от неопишуемого возмущения из багрово-синюшного приняло густо-синюю окраску. – Подошёл к ней, чтобы отдать чёртов свёрток, что она обронила. Ну, спросил про погоду. Ну, коснулся пару раз... Из-за чего сырбор-то разводить?

– Господин, вы до скандала были знакомы с госпожой Суэлой? – не реагируя на несколько развязный тон задержанного, невозмутимо осведомился у него один из роботов. – Она подзывала вас к себе? Позволяла приблизиться?

– Нет, – раздражённо дёрнул плечом Загорцев, не собираясь отрицать ничтожные фактики.

– Подождите, пожалуйста, прибытия этика, – попросил его киберавтомат. – Он подоспеет с минуты на минуту.

И роботы, каждый из которых едва дотягивал нарушителю до пояса, окружили его плотным кольцом. Их манёвры вызвали у Романа ироническую усмешку. Он попробовал небрежно отодвинуть переднего киборга мановением руки, однако тот был недвижим, подобно чугунной тумбе, вросшей в землю.

– Прошу вас, господин, подождать этика, – невозмутимо бубнил «тринадцать дубль два».

– Да пропустите вы меня! – не на шутку разъярился за-

держанный, пытаюсь отбросить пигмея-робота вон.

Ан не тут-то было! Его оппонент не поддался ни на миллиметр. Аналогичным образом держали себя и его напарники: корректно, сдержано, но неподатливо – не позволяя их расталкивать. Вокруг конфликтующих сторон собралась толпа. Должно быть, в Котоне инцидент представлял такую же беспрецедентную редкость, что и техническая флуктуация. Загорцева никогда так не позорили. От стыда он себя плохо контролировал. Ещё бы: из огня, да в полымя; из героев – в хулиганы.

Вскоре подле стойки вызова трэка под противный визг тормозов остановился большой крытый фургон. Из него вылез долговязый страж порядка, по росту мало уступающий Роману. Данный котонец был облачён в элегантную, подогнанную точно по фигуре, тёмно-синюю униформу. Это про таких говорят: «Одет с иголочки». На голове у него был головной убор, напоминающий кавалерийский кивер, прибавляющий ему длины на добрый фут. На физиономии долговязого красовались тоненькие щеголеватые усики, коих прочие котонцы вообще-то не заводили. Выставлявшиеся из-под кивера волосы фата были завиты в мелкие кудряшки. В компании с ним дополнительно прибыло до десятка роботов.

Киборг «тринадцать дубль два» лаконично отрапортовал прибывшему начальнику о скандале. Выслушав доклад, щёголь повернулся к Загорцеву и с отменной тактичностью отрекомендовался:

– Этик Крэк. – И после паузы уточнил: – Простите, сударь, вы не намерены опровергнуть донесение робота «тринадцать дубль два»? Возможно, он что-то напутал или исказил?

– И не подумаю опровергать, – пренебрежительно отмахнулся задержанный. – Так и было. А исказил «тринадцать дубль два» то, что назвал никчёмный инцидент скандалом. Скандалом-то и не пахнет. Так, пустяковое недоразумение.

– Извините, как ваше имя? – осведомился Крэк.

– Роман... Роман Загорцев, – пожал плечами тот.

– Сударь Загорцев, вам придётся проехать с нами, – твёрдо произнёс долговязый.

Он указал рукой на фургон и, преисполненный важности, шагнул вперёд, предлагая следовать за ним. А роботы образовали вокруг бузотёра своеобразный частокол, выход из которого открывался только в направлении крытого автомобиля. Роман от безысходности зло хмыкнул и, подстёгиваемый испуганно-любопытными взглядами зевак, нагнал Крэка.

Меж тем пижонистый блюститель нравов, шествуя с задранной головой, не заметил выступающего края бордюра, запнулся об него, нелепо замахал руками и с вскриком свалился к подножке фургона.

При падении на ногах у этика что-то щёлкнуло и «отстрелилось»: то от обуви отскочили пристёгивающиеся высокие каблуки-ходули, увеличивавшие габариты стража порядка. Кивер с его головы слетел вместе с париком, обнажая лысину. И Крэк из высокого стройного щёголя неожиданно и

комично превратился в обычного коротышку, похожего на внезапно заплешивевшего фюрера.

Моментальное перевоплощение Крэка исторгло из толпы гомерический гогот. Загорцев впервые услышал столь непосредственную и эмоционально выраженную реакцию горожан. И он, присоединяясь к ним, тоже захохотал – с хор-рошим оттенком мстительности.

Глава третья

1

Хулиганистого молодчика везли в заднем отсеке крытого фургона. Невезению вопреки, Загорцев не собирался предаваться унынию. Он уже подавил в себе ипохондрию раз и навсегда. Чёрную неблагодарность судьбы он выбивал «чёрным» же юмором. «Ну, хорош! Про погоду разговор затеял. Ну, натуральный поручик Ржачий!» – потешался Роман и над собой, и над неловкой попыткой контакта с прекрасным полом из будущего.

Глядя из окна фургона на проспекты Котона, он поневоле вспомнил то, как вразумлял неуклюжего гусара Ржачего сослуживец в известном анекдоте: «Поручик, знакомиться с женщинами проще простого. Для затравки нужно заговорить о погоде: мол, что-то птицы низко летают – к непогоде. А затем между делом и назвать себя». Обученный приятелем политесу, Ржачий при первой же оказии поступил со-

образно наставлениям. Нагнав понравившуюся ему даму с собачкой, он поддал болонке так, что та, беспорядочно кувыряясь, взмыла в воздух. «Низко летит, однако, – приставив козырьком ладонь ко лбу, вслух оценил траекторию браваый офицер. – К дождю...Кстати! Разрешите представиться – поручик Ржачий».

Вдосталь поиронизировав над собой бестолковым, Загорцев обрёл боевое расположение духа и решил, что всё, что ни делается – к лучшему. С этим настроем он и прибыл к местам не столь отдалённым.

Нарушителя общественной нравственности доставили на окраину Котона – к небольшому четырёхэтажному особняку. В служебном помещении первого этажа, лицемерно называемом котонцами приёмным покоем (по меркам прошлого – настоящая дежурная часть), модник Крэк, успевший оправиться от фиаско и навести на себе и на одежде шик и лоск, завёл на Романа электронный формуляр.

По завершении формальности стилига пояснил Загорцеву, что тому придётся задержаться в этом славном заведении до прибытия главного этика и трёх эксцессоров. Затем этик и пара роботов чинно и благородно препроводили Загорцева на второй этаж, в так называемый зал ожидания, захлопнув за ним звуконепроницаемую дверь.

Войдя внутрь, Роман обнаружил, что томиться в котонской тюрьме в ожидании прибытия высоких лиц ему придёт-

ся вовсе не в одиночестве: в зале находился пожилой узник. Незнакомец был небольшого роста – чуть выше обычного котонца, худощав и плешив. Он уже достиг преклонного возраста. Несмотря на лысину, незнакомец явно не принадлежал к представителям котонского социума. Едва взглянув на его обличье, Загорцев шестым чувством опознал в товарище по несчастью близкое ему существо. Наитие подсказало Роману, что перед ним некто, родственнѳй и по происхождению и по эре появления на свет божий.

– Имперро!? – с внезапным восторгом извлѳк он термин из какого-то полузабытого космополитического лексикона.

– О йес! – вскочив с дивана, с радостным придыханием заорал ему в ответ узник, тоже интуитивно опознав в новом сотоварище однопорядковое ему существо. – Имперро! Имперро туристо обличо морале! О йес! Да! Да!...

Две истосковавшихся личности смаху идентифицировали друг в друге имперских людей. Они непринуждѳнно, искренне и без дипломатических условностей пожимали друг другу руки, хлопали по плечам, дружески обнимались и по-мальчишески без комплексов хохотали. Иногда смех стихал. Тогда они отстранялись, осматривали друг друга и вновь начинали счастливо хохотать. Старичок даже прослезился на радостях.

Со стороны их вполне можно было принять за рецидивистов, на свободе невыразимо истосковавшихся и по неволе, и по подельникам, и наконец-то, к взаимному удовольствию,

одинаково осуждённых на пожизненное заключение.

– Вы, правда, имперский? – не веря удаче, повторял Роман. – Имперский?

– В натуре! Более имперского, чем я, не бывает, – отвечал ему старик, несколько картавя. – Да чего это мы на «вы» да на «вы»? Давай запросто – на «ты». Нас, имперских, осталось так мало, что все мы – братья.

– Давай на «ты», – легко принял, было, панибратство Загорцев.

Однако воспитание не позволило ему в дальнейшем удерживать фамильярный тон в общении с престарелым мыслелобом.

– Ну, кто ты? Откуда? Как тебя зовут? – усадив соплеменника на диван и жадно его оглядывая, спросил ветеран мест не столь отдалённых.

– Я – Роман. Роман Загорцев. Профессиональный футболист. Жил в Семихолмске, на Барбате. Был женат. Имел двух детей. Плеймейкер центрального спортивного клуба армии и сборной Империи. Двукратный чемпион мира по футболу...

– ...В Семихолмске...Сборной Империи..., – с непередаваемой самоотдачей и наслаждением внимал ему старичок, словно вдыхая в себя произносимые слова вместо кислорода.

И Загорцев вкратце рассказал земляку о себе, о семье, о заболевании, анабиозе и необычайном пробуждении. И о «проколе» с котонской худышкой. Тот его внимательно слушал и прервал только дважды. Сначала он недоверчиво уточ-

нил:

– Двукратный чемпион мира?!... Гляди-ка ты! Не туф-тишь? Чтоб наши обделали дразильцев? А сколько тебе, парень, лет?

– Тридцать два года. Две тысячи девяносто пятого года рождения.

– А-а-а..., – понимающе протянул собеседник.

Вторично он приостановил изложение рассказчика солидарным смешком, когда речь зашла о конфузе с котонской женщиной.

– Ну а вы? Расскажите о себе, – попросил слушателя молодой арестант, завершив исповедь.

– ...Я? – точно проснулся старичок. И вздохнул: – Я... Хым-м... Я – Борис Абрамович Тверизовский. Великий имперский магнат. Отставной олигарх. Чай, читывал про тако-го в учебниках истории?

– Простите, нет, – смутился Роман.

– Хо! – удивился Тверизовский. И выругался: – Трах-ти-бидох! Не может быть!... Н-да... А было время – меня всякая собака знала. Может, ты плохо историю учил? У тебя, что по ней было?

– Четвёрка, – посинел от смущения Загорцев.

– Тогда ясно, – объяснил сам себе Борис Абрамович. – Ну, слушай сюда, как говорили в Адессе. Родился я середине века двадцатого. Я – великий комбинатор и детище Большого хапка, – и в подтверждение тезиса Тверизовский ну о-очень

широко растопырил руки. – Первый имперский президент тогда декларировал: «Обогащайтесь и хапайте, кто сколько смогёт». Ну, я и хапанул, хлеще прочих. И не подавился. И не поделился. Через то мне и сделали трах-тибидох! – выругался он. – И в тюрьгу хотели засадить. И в сортире замочить. Что и обидно. Ведь по-мужски на берегу договорились: а ну-ка, братва, потягаемся, кто больше хлебанёт и не забалдеет?... А мне же за то набили морду!

И как всякий подлинный революционер, желающий блага народу, – прослезился рассказчик от избытка чувств, – я был вынужден эмигрировать за рубеж. Вслед за Херценом и Прощим. И начал я борьбу. И ждали бы меня великие свершения, если бы...если бы..., – внезапно потеряв величественную осанку, запнулся Борис Абрамович.

– Если бы не что? – участливо спросил его Загорцев, почувствовав по интонации старичка, что тот добрался до драматической страницы своей планиды.

– ...Если бы не женщины, – прерывисто вздохнул Твериловский. – Ведь чтобы я ни делал, чем бы ни занимался, в конечном итоге – всё ради них...

– О, как я вас понимаю! – всецело присоединился к нему Роман. – И что же? – нетерпеливо поторопил он «потрясателя мироздания».

– И надо же такому случиться, – посетовал тщедушный старикашка, – что на склоне лет я втюрился со страшной силой в одну неотразимую канашку. У неё ноги были – од-

на длиннее другой! Сто тридцать пять сантиметров каждая! Представляешь: сто тридцать пять! Даже у Дрианы Кленариковой были короче. Моя канашка была горячее, чем хот-дог – семь раз за ночь! Это было как..., – подыскивал и не мог подыскать уместных терминов для сравнения сладострастец. – Это...Ну...

– Эструс и либидональный гипертаксис, – подсказал ему сексуально грамотный спортсмен, окончивший институт физической культуры имени Ресгафта.

Уж в чём в чём, а в интимной сфере футболисты во все времена были в числе фаворитов. И от недостатка скабрёзности, естественной в сугубо молодёжной мужской компании, они не страдали. Недаром в раздевалке армейцев бытовала шутливая поговорка: "Мы ребята боевые, любим щели половые!" Хотя в данной загадке имелись в виду всего-навсего тараканы.

– Чего-чего? – тем временем, недопонимая, уставился на Романа сластолюбец.

– Эструсом у женщин именуется период повышенной потребности в плотских утехах, – блеснул образованностью Загорцев. – А у нас, мужиков, то же самое именуется гипертаксисом. То бишь, бушующее либидо самца.

– А-а-а..., – вник в смысл научных определений старик. – Да-да! Таксис! Да ещё какой! Она меня так таскала, так таскала... Все блага мира были брошены к её ногам, – от воспоминаний умирающим воробышком закатил глаза Тверезов-

ский, – а она...

– А она? – с повышенным интересом допытывался сочувствующий.

– А она..., – аж застонал от томных воспоминаний баловень женщин.

– А она? – заинтригованно подгонял его соболезнающий.

– ...А она за одну лёжку зарадила меня атипичной пневмореей,

ослиным гриппером, сусликовым геморроем и ураганным недержанием мочи и остальных испражнений, – трагическим тоном подвёл промежуточную черту собственному откровению Борис Абрамович. – Трах-тибидох!

Завершение «лав стори» и развязка находились в таком контрасте с мелодраматической увертюрой и надрывным тоном Тверезовского, что Загорцев огромным усилием воли сдержался от обидного смеха.

– ...Верно говорят, что купить можно, что угодно, – продолжал меж тем повествование любвеобильный блудник, не заметивший мины веселья на лице товарища по несчастью, – кроме здоровья. Тогда эти болезни не лечились. И я, как и ты, Рома, не нашёл альтернативы анабиозу.

– О, женщины, женщины! – деланно вознегодовал Загорцев, видя, что Борис Абрамович расчувствовался и нуждается в поддержке.

– И уже здесь, в Котоне, местные целители избавили меня «от букета», коим наградила киска с длинными ногами, –

сентиментально промокнул уголки глаз платочком старик. – Однако, заодно с заразой...вынужденно...как эти коновалы-котонцы утверждают, они ампутировали и моё мужское достоинство, и мою предстательную железу.

– ?!! – немо, но весьма доходчиво, вытянувшейся физиономией и траурным поклоном головы, выразил искреннее соучастие Тверизовскому более удачливый соплеменник по безвременно почившим в бозе органам внутренней и внешней секреции.

– Увы, – продолжал кручиниться страдалец, – сбережение живота своего – не гарантия сохранения настоящей мужской пульсации. В этом плане планета Таутикан, куда нас с тобой, Ромаха, занесло, меня не спасла.

– Да-да, какая жалость, – оценив личные преимущества перед исповедующимся, в том числе путём их суеверного ощупывания на предмет наличия, тактично поддакнул тому везунчик. И тут же, насторожившись, уточнил: – Планета Таутикан?...Это что, современный образ и символ нашей Зелёной планеты?

– Ка-какой символ? – выпучил глаза на Загорцева горемыка по мужской части. – Планета Таутикан – символ? Ты чё гонишь-то, Ромашка? Планета Таутикан – это та юдоль печали, где нам с тобой

придётся коротать наш вдовый век.

Теперь, вслед за Борисом Абрамовичем, и Роман вытаращил на него глаза. Так они непродолжительный период по-

ражённо и молча пялились друг на друга, и каждый отчасти заподозрил в земляке то ли «подсадную утку» Крэка, то ли афериста, то ли душевнобольного.

Первым не перенёс томления неизвестностью более опытный из них.

– Ты чего, в натуре? – осведомился греховодник. – Ты не в курсе, что ли, где мы обретаемся?

– Теперь засомневался, – честно признался ему молодой ортодокс в вопросах секса. – Странные люди, три солнца, тридцать часов в сутках, Котон...

– Так тебя, Роман, не предупредили, что ли, где ты?

– Нет. Наверное, не успели. Мне же несколько дней, как оживили.

– А-а-а..., – умудрённо протянул Тверизовский. – Я-то уж два года тута ошиваюсь... Ну так знай, Ромашка, – наставительно, и где-то даже по-отечески, дополнил он, – что мы на планете Таутикан. И живут здесь таутиканцы. Иногда они сами себя обзывают «тау». «Тау» по-ихнему – доброта. И находятся они далеко-далеко от нашей Зелёной планеты. В другой галактике. Даже не в Млечном Пути. И нас с тобой, Ромашка, стало быть, с Зелёной планеты эвакуировали.

– Но для чего? Зачем? – подавленно спросил Загорцев, опешивший от нового крутого поворота событий.

– Мне таутиканцы хотели обсказать, – хитро прищурившись, хихикнул дед, – ан не сказали. Передумали.

– Почему? Что-то скрывают? – не отставал от него диле-

тант.

– Да не... – внезапно, проказливым шалопаем застеснялся дед. – Я их того, наказал за доверчивость, облапошил пару раз, а они, вишь ты, в отместку мне не базарят кой-чего.

– Зачем же вы их облапошили? – огорчился Загорцев. – Сейчас бы всё знали.

– А я знаю, зачем?! – раздосадовано всплеснул руками Тверизовский. – Привычка. Простодыры они. Добрые чересчур – окромя тех педиков-этиков, что нас на нары кинули. А я так не могу: если ты к мне подобра-поздорову, если ты лох, то мне в обязательку надо тебя кинуть натурально.

Ведь за что мне по первости-то наказали, – разоткровенничался словоохотливый великовозрастный проказник. – На мякине я таутикашек обвёл. Вижу, что хошь у них есть. А так не бывает, чтобы не было дефицита. Дефицит хоть в чём-то, а должен быть. На нашей Зелёнке – это деньги: сколь их не клюй, а всё равно – мало. А на Тау что? – вопросительно развёл руки дед, выпятив нижнюю губу. Потомив слушателя ожиданием, он продлил нить рассуждений: – Да энергия у них в нехватке... Не, так-то её у них завались, – провёл старик ребром ладони по горлу. – На общие нужды да на убогих они её по беспределу тратят, а на личные запросы – с разбором. Вот, возьмём, например, шмокков, ну, то ись, молодых разбитных таутиканцев. Эти шмокки шибко обожают на болидах гонки в космосе устраивать. Энергию на ветер пускают. Вот на это дело ихние старорежимные дяди ребят и по-

прижали. Лимит установили. По карточкам энергию выдают.

А я же мужичок мастеровитый, – сам себя похвалил Тверизовский, погладив по лысине, и уже знакомо хихикнув. – Наштамповал подделок и начал ченч: давай менять свои карточки по двадцать пять эргов на настоящие четыре карточки по пять эргов. Где-где, шмокки, может, пацанята и ушлые, а со мной они лоханулись. За полдня накоμμуниздил я у них карточек с полмешка – и смотался. Эх-ма..., – и дед внезапно умолк, ковыряясь в ухе.

– Ну и?... Что-то я того..., – непонимающе развёл руки Роман от нелогично прозвучавшей концовки. – Как же вас тогда прихватили?

– Прихватили?... О чём это я? – задумался старикан, потерявший нить рассуждений. – А-а-а... Хо-хо, – ехидно хохотнул пройдоха. – Дык, другие дебилы шмокки, что не успели поменять, попёрлися в Высший Совет с жалобой: дескать, чё хорошую услугу прикрыли, которую лысый дяденька-инопланетянин оказывал? Прид-дурки! Тогда-то Крэк с Бонзом меня и накрыли...

– Крэк – это тот, что меня задержал, а Бонз? – перебил деда Загорцев.

– Крэк, а также Бонз и Рубби – одна шарага. Эти дятлы себя этиками называют. Бонз у них за главного канает.

– А вы, Борис Абрамович, значит, гонками в космосе увлекаетесь, – уважительно сделал вывод Роман.

– Да не, какие гонки, – хихикнул тот. – Нет у меня допуска

к ракетам.

– Для чего же вам карточки? – подивился Роман.

– Просто так. Привычка, – растолковал ему Тверизовский. – Должен же я чем-то заниматься? Вот по той же ерунде я и с компьютером «Тау» запалился.

– Компьютер «Тау»?

– Ну да. Тебе квартиру дали?

– Дали.

– Комп есть?

– Есть.

– Какой марки?

– Какой марки?... «Эталон». На кварках!

– То-то и оно. У меня тоже «Эталон». А "Тау" – забойный навороченный комп. На монополях! Через него таутикашки голосуют. Приходит, допустим, взрослый тау домой и видит, что на компе горит специальная сигнальная лампочка. Ага, значит, будет обсуждаться важная проблема. Он прикладывает руку к этому... к сенсору – и когда надо голосует или выступает.

– Занятно.

– Про то я вынюхал у соседа, – сделал необходимое пояснение Тверизовский. – Мы с ним на одной площадке живём. Туканом его зовут. Я его по-свойски Тюхой окрестил. И жутко мне стало завидно, – азартно потёр дед ладони сначала об лысину, а затем о брюки в области коленей, – что какой-то Тюха-Занюха имеет право голоса, а я – великий комбинатор

– нет. А надобно тебя просветить, Ромашка, что тау – народ слабый телом. Не как мы – имперские. Мы же две бутылки кочерыжовки на рыло выжрем – и ни в одном глазу. А они по этой части – вообще ни-ни. Слабаки!

– Как укчи?

– Во-во! И, усеки, Ромашка, – со злобной ожесточённостью заёрзал Борис Абрамович по дивану, – что ни в Котоне, ни в других городах и весях ни водочки, ни пивка, ни даже кофейку нетути. Голяк. Таутиканцы не то чтобы пресекают это дело на корню, а просто не тянет их на баловство. Порода такая. Но я ж паренёк мастеровитый. Просёк, что в окрестностях произрастает травка. Маненько стимулирует. Короче, малый допинг – посидеть, почифирить. Вот отварчиком этим я Тюху и угостил. Часа два его подбивал. Он чашечку на грудь принял – и брык на пол. Скабадыкнулся. Ну вот, Тюха дрыхнет, а я его куриную лапку прикладываю к сенсору. Действую-злодействую.

И пошёл политический процесс! – зажмурился от удовольствия Борис Абрамович. – Я выступаю, голосую... Жаль, на призывах переселения тау на нашу землю обетованную меня и повязали.

– Прошу прощения, коли что не так, – извинительно приложив ладонь к сердцу, перебил его менее опытный соплеменник. – Я же не прокурор, но что вас раз от разу тянет на глупости? Чудно же...

– Сам дивлюсь, – признался тот. – Наверное, то меня под-

тыкает, что я тута – не пришей к кобыле хвост. Что мне тау – до фонаря, что я – им.

– Отсутствует референтная группа, – переиначил прозвучавшее признание внимательный слушатель. – Нет значимых для вас личностей и сферы приложения сил. Потому и исчез внутренний регулятор поведения.

– Во-во! – понравилась деду последняя формулировка. – Ишь ты, а ты, Ромаха, иногда в тему базаришь. Верно, регулятора у меня нет, зато кичман на меня есть.

– То есть, тюрьма, по-нашенски говоря? – проговорил Роман, окидывая взглядом просторное и светлое помещение.

– Для VIP-клиентов, – подправил его старик. – Даже решёток на окнах нету. Но стёкла – пушкой не прошибёшь. На первом этаже – приёмный покой. На втором – мы и роботы. На третьем и четвёртом – этики противные обретаются. Ну, то ись, Бонз, Рубби, Крэк. Туда доступа окромя них и судей никому нет. Нас туда только если на допрос или на суд поведут. А тюрем у таутиканцев ващце нету, потому как нет и лишения свободы.

– Как же они преступников наказывают? – не поверил ему Загорцев.

– Они последнего уркагана лет триста назад извели, ровно таракана дустом, – зевнул Тверизовский. – У них бывают лишь эти...оступившиеся. Да и из тех один я остался – если верить Крэку. Да вот ещё ты, Ромаха, ко мне приبلудился. Таутиканцы же очень послушные. Дисциплина – прежде

всего! – дребезжащим металлическим голосом добавил он, явно кого-то передразнивая.

Тут Борис Абрамович многозначительно и театрально воздел палец к потолку. И они с соратником по несчастью дружно рассмеялись.

– Так нас не накажут? – воспрянул духом Роман.

– Бить не будут, – хихикнул старик. – И не посадят. И не вышлют за пределы страны. Мне они за карточки дали замечание, за Тюху – предупреждение. Сейчас, по прогнозу Крэка, объявят выговор. Попадусь в четвёртый раз – стерилизуют.

– Это как? – не сразу сообразил его земляк. – У вас же и без того, как будто, отрезали... ой..., – спохватываясь, понизил тон голоса Роман. Но по инерции закончил: – всё такое...

– Не о том думаешь, глупый мальчишка! – сердито осадил его Тверизовский. – Стерилизация – не обрезание. Она... это... Как же ево... Мать ити этот маразм! А-а-а! Удаление из сознания антитаутиканских установок. О как! Вот возьмут тебя, Ромаха, за бестолковку, и вычленят половину памяти, – мстительно захихикал старик. – Тогда, Ромка, мущинское хозяйство и тебе ни к лешему будет.

– Удалить половину памяти! – оторопел Загорцев. – Ну, дают! Гуманисты, гуманисты, – отозвался он про таутиканцев, – а режим-то у них – хашистский.

– А ты как думал! – мстительно нагнетал страсти дед. – За домогательство тебе врежут по полной катушке. Вышак

не вышак, а врежут. С этим у них жёстко.

– А мы не будем зареветь! – «по-пацански» ершисто заартачился Роман. – Мы не из пугливых. Мы – имперские! – Но тут же он опасливо и ревниво осведомился: – Не сердитесь, Борис Абрамович, за мою дурацкую оговорку. А почему вы сказали, что...кгм...кое-что мне не понадобится?

– А вот и забоялся, а вот и забоялся!... – в насмешливом ребячем порыве, сидя на диване, запрыгал Тверизовский. – Да ладно, Ромаха, не дрейфь, – наскাকাвшись, уже в примирительной интонации заговорил старик. – Всё равно ж бабто на планете нету. Кого ты удивишь пестиком своим? Тюху, что ли? Или Бонзу с Крэком? Га-га-га!

Подождав, пока Тверизовский прохочется, Загорцев резонно опроверг его ошибочный тезис:

– Не обижайтесь, Борис Абрамович, но вы, сдаётся мне, ещё и нюх потеряли. Как это «нет баб», когда их полно. На выбор. Двух категорий. Другой коленкор, как говорил мой дедушка, что они «не фонтан». Эстетически не услаждают глаз. Так это уже проблемы вкуса. Примелькаются. Например, мне моя сизая рожа уже примелькалась.

– Заблуждаешься, Ромашишка, – категорически закрутил головой оппонент. – Круто ты попал впросак. То и не бабы совсем. Не прельщайся их волосёнками в виде повыдерганной соломки и грудками, меньше титьки тараканьей – это обман и мираж. Остатки барской роскоши. Неспособны они к соитию, как сказал бы поэт, – хихикнул бывший

магнат. – Вместо пикантного вместилища у них осталось усохшее техническое калиброванное отверстие, предназначенное для слива отработанных продуктов жизнедеятельности, – на одном дыхании, зажмурив глаза, заученно выдал сквернослов. – И потомство таутиканцы не рожают, а штампуют на специальных фабриках.

– Ну да! – откинулся Роман на спинку дивана с остеклевшими глазами.

– Вот те крест! – неумело перекрестился собеседник. – Со святым не шутят. Как имперский имперскому клянусь. Да пусть у меня отсохнет неотсохшее, если я вру! Да пусть мне отрежут неотрезанное, если я загибаю!

– Мама родная! – простонал Загорцев, обозначая ударение в слове «родная» на первом слоге.

Лицо Романа перекосила тоскливая гримаса. Он открыл рот, но не успел выругаться, ибо дверь зала ожидания распахнулась. Внутри заглянул Крэк и провозгласил:

– Сударь Загорцев! Вас просят пройти на аудиенцию с главным этиком Бонзом.

2

Главный этик Бонз оказался совершенно нетипичным таутиканцем. Как минимум, по своему внешнему отталкивающему виду. Он был тощ и высок – Кощей Кошеем. Когда задержанного ввели в кабинет на четвёртом этаже, чиновник

стоял у окна и смотрел в сизоватую таутиканскую даль.

– Здравствуйте, – угрюмо проронил доставленный.

– Здравствуйте, – обернувшись, гнусаво ответил Бонз.

И жестом предложил нарушителю нравственности приступить в удобное кресло для посторонних, стоящее перед его столом, а Крэку, сопровождавшему инопланетянина, дал знак удалиться.

– Оступившийся Загорцев по вашему приказанию прибыл, – не без сарказма доложил инопланетянин.

Чиновник не нашёлся что ответить, и Роман получил возможность разглядеть его. Перед ним был первый таутиканец, выражение лица которого хранило на себе не печать добродушия, а высокомерия и пронзительной подозрительности. Впрочем, Крэк тоже не располагал к себе. Но тот был просто туповатым фатом. Облик же главного этика именно отвращал. Впрочем, Роман внутренне успокаивал себя тем, что у него устаревшие эстетические представления.

– Вы зелянин? – спросил задержанного Бонз, открывая электронное досье.

– Так точно, – по-военному отрапортовал Загорцев. – Мыслелоб с Зелёной планеты.

Представитель власти дотошно, по пунктам, проверил правильность отражения в досье автобиографических данных на Романа и фактическую сторону его пребывания на Таутикане.

– Я верно понял, что из клиники докторами Нутэлой и

Рэдом вы были поселены для самостоятельного проживания? – приступил чиновник к детализации состава разбирательства.

– Да.

– Почему же вы вели себя с сударыней Суэлой неподобающим образом и несанкционированно вторглись в её интимное пространство?

– Ничуть я не вторгался. Просто подошёл, подал свёрток, что она уронила, поздоровался, поболтал и тронул её за локоток.

– Что ж, эксцессы оценят ваш ответ.

– А...А кто такие эксцессы?

– Эксцессы?... – помедлил с разъяснением Бонз, которого даже элементарные, но неожиданные вопросы ставили в тупик. – Эксцессы – уважаемые таутиканцы, которые будут принимать решение по инциденту с вами. Имейте в виду, ...э-э-э...зелянин Загорцев, что таутиканская цивилизация – высшее сообщество во всём мироздании, – далее он заговорил заученными, "отутюженными" фразами, а потому речь его полилась гладко. – Порядок и дисциплина – превыше всего! Они поддерживаются самими сознательными гражданами. Эксцессы – то есть случайные, единичные, исключительно редкие отклонения от моральных норм поведения должны быть сведены к нулю, так как допускаются исключительно несознательными лицами. Их у нас практически нет. Государственный аппарат в гигантской таутикан-

ской цивилизации состоит всего из шести штатных единиц: трёх в Высшем Совете и трёх в Службе этического принуждения. Даже для эксцессоров участие в анализе инцидентов – общественное поручение. Скоро мы достигнем того, что нужда в государственном аппарате окончательно отомрёт. Теперь вам всё ясно, э-э-э... зелянин Загорцев?

– Ясно, – со вздохом вывел очевидное умозаключение Роман. – Эксцессоры – это судьи.

– Эксцессоры – не судьи, а уполномоченные общественные представители, – занудно поправил его Бонз.

– ...общественные представители, – эхом отозвался мыслелоб. – Значит, меня будут судить товарищеским судом?

– Не судить, а анализировать инцидент, – въедливо стоял на своём главный этик. – И вас спросят о том, почему вы нарушили зоны общения. Их три. Первая – официальная, предел приближения в которой составляет один метр. Вторая – обыденно-товарищеская. Предел – до полуметра. Третья – интимная. Предел – от полуметра до пяти сантиметров.

– А ещё ближе? – с идиотски прорвавшейся сальностью хихикнул Роман, уподобляясь Тверизовскому.

– Ближе – бессмысленно, – не понял двусмысленности Бонз. – А вы осмелились коснуться сударыни Суэлы. Это неслыханно!

– Так ведь в больнице, в автомобиле, в квартире я тоже нарушал ваши долбаные зоны, общаясь с Нутэлой, с Рэдом, –

проявил находчивость Загорцев. – И никаких претензий.

– Я требую выбирать выражения. Даже в этом ваше недостойное поведение вынуждает проявить всемерную строгость к вам, – осадил его чиновник. – Зоны могут не соблюдаться, но с разрешения конкретного лица, а равно в общественном транспорте, на зрелищно-массовых мероприятиях и в иных оговорённых случаях.

– Да чихал я на вашу «всемерную строгость»! – разобиделся зелянин на бюрократическую угрозу. – Ничего вы мне не сделаете за эдакую малость.

– Ах, так! Значит, я буду требовать не выговор, а стерилизацию, – прогнусавил Бонз.

– Да вам слабо! – воскликнул Роман. – Не посмеете.

– Это ещё почему?

– Да потому! Если вы меня с Тверизовским стерилизуете, то вам не с кем будет работать. Вас и сократят.

Бонз растерянно разинул рот, а довольный Загорцев самовольно вышел из кабинета.

3

– Ты абсолютно прав: Бонз – свинья, уцепившаяся за служебное корыто, – утешал дед Романа в зале ожидания. – Вот и дует из мухи слона. Мне тоже вешал лапшу на уши про отмирание своей конторы, а сам на неё молится по семь раз на дню. Оно из районо! Не горюй, Ромаха. Перетопчемся.

Судья Люмо – мужик с пониманием.

– Да?

– Ей-ей! Он по первой ходке мне мозги вправлял. И спрашивает: "А знаете ли вы, дорогой мой Борис Абрамович, универсальное моральное правило общения разумных существ?" А я возьми, да и ляпни по простоте душевной: "Всегда поступай с другими так, чтобы они не успели тебе сделать так же!" Га-га-га! Люмо как услышал, так чуть под стол не пал! Я аж забоялся: щас оскопит меня под самую уздечку. Ничё, обошлось.

– Да хоть расстрел! – храбрился меж тем Роман. – Всё одно: ни родных, ни женщин...

– Ей-ей! – солидаризировался с сотоварищем Тверизовский. – Поведаю тебе бывальщину моей молодости. Принимали, значит, меня в партию «Мохнатая лапа». А тогда в неё следом за Бельцыным все скопом лезли за дармовыми пирожками да шанежками. И вот на политсовете меня озадачили: «Если партия скажет, что надо пить бросить – брошишь?» «Надо, значит, брошу», – отвечаю я. «А если скажет, курить бросить?» – пристали ко мне. «Скажет, значит, брошу», – говорю я в ответ. «А если скажет, с женщинами завязать – завяжешь?» – достали меня коронным приёмчиком, ровно серп к одному месту приставили. «Скажет, значит, завяжу», – стойко держусь я. «Ну, а если жизнь отдать – отдашь?» – пошли они на крайнюю угрозу. «Ещё как отдам! – отрезал я. – Нафиг такая жизнь нужна?!»

Похохотали так, что смех проник за звуконепроницаемую перегородку. Даже Крэк с роботами заглянули к ним. Душевно полегчало. И воодушевлённый Загорцев осведомился:

– Борис Абрамович, может, и про женщин вы мне так же соврали, как и на политсовете?

– Не-е-е... Хе-хе-хе!... Чего нет, того нет, – захихикал старик. – С имя здесь, Ромашиска, полный облом. Понимаешь ли, эти дегенераты таутиканцы радикально мимикрировали. Жутко приятную методу размножения они променяли на лабораторную: начали вынашивать плод в пробирке. Так появились те, кого ты обзываешь «сутуленькими».

Парадокс! Если мы всегда из девушек делали женщин, – скабрёзно хихикнул бывший магнат, – то они из женщин сделали вечных девушек... Га-га-га!... У них, то бишь у сутуленьких, уже нет тяги к сексу, а эти... хе-хе... органы сладкого движения у них деградировали в как его... В атавизм? Не, не в атавизм... Э-э-э...

– В рудимент, – помог деду выйти из затруднения Загорцев, сносно усвоивший в институте физкультуры анатомию и физиологию мыслелоба. – Как у нас, положим, третий глаз или аппендикс – тоже рудименты.

– Во-во! – подхватил Тверезовский. – Превратились в «рудики»... Таутиканцев с женскими «рудиками» называют «матронами», а с мужскими – «мэтрами». Можно подумать, что раньше они у них метровые были, – отвлекаясь от основной тематики, пошленько захихикал старик. – Ан на том

таутиканцы не унялись. Матроны и мэтры стали...этими ... как их...Заготовками, что ли?

– Может, биологическими матрицами? – предположил футболист.

– Во-во! Матрицами для выведения новой породы. У них наука такая есть...Как же её?...Ну, ещё Кушкин про неё писал...А! Онегика!

– Может, евгеника? – поправил его Загорцев.

– Во-во! Евгеника. Через неё тау создали...хвостатую тварь...Ну, такую молекулу...Длинную-предлинную...

– Дэ-эн-ка? – подсказал слушатель.

– Во-во! Дэ-эн-ка. И коктейль из этой хвостатой...

– Геном таутиканца? – сообразил подсказчик.

– Во-во, геном! – обрадовался и удивился повествователь. – Ишь ты! Мне-то Тукан с пятого раза эту хренотень втюхал. А ты, Ромаха, не дуболом, однако. В наше время присказка бытовала про то, что росли у мамы три сына: двое умных, а третий – футболист. Но ты-то в тему и в тему па-лишь!

– Стараемся, – скромно потупило глаза исключение из присказки.

– Так вот, теперича тау выводят последышей прямо из генома. У кого из них ниже пупка остались мужские «рудики», тех кличут «дублями», а у кого женские – тех кличут...это... Как его? «Дублёнками», ли чо ли?

– А не «дублёршами»?

– Во-во, «дублёршами»!...Ишь ты, лупит и лупит «в яблочко»!... А дубли шибко мозговитые, потому как мозг у них не отвлекается на секс, зачатие, роды...И бают, Рома, что скоро дубли мэтров начисто вытеснят. И знаешь почему?

– Почему?

– А башковитые они! Секи сам: если тем же мэтрам в мозги специальные штуки нейрохирурги впаривают...

– ...например, вживляют микропроцессоры, чтоб общаться на субчувственном уровне.

– Во-во. То дубли с этими штуками сразу вылупливаются. Во, чё прогресс-то творит! – подытожил Тверизовский, вытирая от слюны старческий рот, – То ись, мои единоверцы верно глаголили: «Что таутиканцу хорошо, то иерею смерть».

– Вы же говорили, что вы – имперский?! – на миг полупарализовано отвисла у Загорцева нижняя челюсть.

– А я и так имперский! – без тени сомнения утверждал потешный старик. – Я – имперский иерей. Была на Зелёнке такая нация в двадцатом веке.

– Э-эх, слетать бы на Зелёнку! – размечтался Роман. – Кстати, Борис Абрамович, мы же можем потребовать, чтобы нас отправили на историческую родину, а?

– Темнят они, – щёлкнул языком тот. – Про то не просветили меня, раз я фулюган...А до Зелёнки смотаться для них не проблема. У них есть и кварковые ракеты, и фотонные, и монопольные...

– Что ещё за монопольные?

– Это ты, парень, у них сам попытай, – зевнул дед. – Устал я. Давай-ка, на нары. Покумарим чуток.

Глава четвёртая

1

Председатель Люмо с двумя эксцессорами появился на вторые сутки пребывания Загорцева в зале ожидания.

Пока рассматривалось дело Тверизовского, молодой узник знакомился с материалами заведённого на него электронного досье на пару с появившимся у него помощником – гражданским правоведом Лажем. Последний обязан был отстаивать интересы Романа.

Лаж Загорцеву отнюдь не импонировал. У него была плутоватая физиономия. А плуты среди таутиканцев встречались столь же редко, что и сердитые личности, наподобие Бонза. Лаж непрерывно подгонял представляемого: «Было? Было. Пляшем дальше». Какому мыслелобу понравится, когда торопливо «отплясывают» на его недавнем прошлом и скором будущем?

Процесс по Тверизовскому закончился через час. «Выговор, – шепнул при прощании земляку дед. – Жди в гости. Повтори-ка адресок».

– Тенистая, – подстраиваясь под старика, ответно понизил голос Загорцев, – двадцать два – семьдесят один.

– Нагряну не один, – таинственно пообещал старичок. – С нашим земелей. С Айком. Он – мериканец. Это секрет. Паскуда Бонз не знает, что мы с ним контаким. Он на Айка тоже зуб имеет. Не дрейфь! Ни пуха!

– К чёрту!

2

Крэк сопровождал Загорцева на четвёртый этаж. Миновав ряд бронированных дверей, они оказались в просторном зале. За ними туда же пожаловал состав суда и главный этик. Пожилой председатель Люмо и его ровесники эксцессоры оказались типичными таутиканцами. Иначе говоря – добрейшими тау. В отличие от злого Бонза, который во вступительной назидательной речи напирал на то, что оступившийся покусился на неприкосновенность личности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.